

Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К.Маркса до С.Олькова)¹

Криминология много веков пытается ответить на вопрос о «причинах» преступности. По существу вся история криминологии как науки есть мучительные поиски таких причин. В моих работах, как и во многих трудах и учебниках криминологии, были кратко изложены истоки криминологической мысли.² Ниже будет представлена авторская позиция, столь же относительная и далекая от Истины, как и все прочие.

С моей точки зрения, не существует какой бы то ни было единой (пусть «интегративной») и специфической только для нее «причины» преступности как социального феномена в силу следующих обстоятельств.

- Причинно-следственная связь – лишь одна из форм взаимосвязей и взаимозависимостей между элементами системы или между системами, причем связь достаточно жесткая и более или менее отчетливо выделяемая лишь на уровне относительно простых, механических систем. Уже биологические, а тем более социальные системы и протекающие в них процессы столь сложны, *вероятностны, нелинейны, стохастичны*, что выделить «причину – следствие» оказывается принципиально невозможно. В этом отношении социальные процессы «ближе» квантовой физике, нежели классической механике.
- Преступность - искусственный социальный *конструкт*, не имеющий качественной определенности (*per se, sui generis*) в реальной действительности. Нельзя найти *специфическую* причину конструкта, причудливо меняющегося во времени и пространстве по воле законодателя, власти. Такой поиск приводит к трюизмам: причина

¹ Опубликовано в: Экономика и право / ред. А. Заостровцев. СПб.: Наука, 2009. С.169-188.

² Например: Гишинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Изд. 2-е, дополненное. СПб., 2009. С. 116-181.

преступности «весь социально-экономический строй» (Гернет³) или же – причина преступности есть уголовный закон (кстати, это понимали уже римляне: *ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur* – преступления возникают из сенатских и народных решений), что вряд ли продвигает нас по пути познания объекта криминологии. При этом ясно, что «весь социально-экономический строй» порождает *все* социальные феномены, а не только преступность.

- Преступность проявляется в деяниях, признаваемых законодателем преступными «здесь и сейчас». Содержательный диапазон таких деяний огромен – от убийства до надругательства над государственным гербом или флагом, от изнасилования до незаконной порубки деревьев и кустарников, от геноцида до обмана потребителей. Трудно себе представить, что еще может объединять все эти столь разнородные деяния кроме формального признака – нарушение уголовного запрета. Очевидно, не может быть общей причины столь разнородных и качественно не определенных, не имеющих естественных границ явлений.
- Преступность – лишь один из видов девиантности. Анализ всех криминологических теорий приводит к выводу: какие бы «причины» преступности ни выдвигались, они всегда являются одновременно «причинами» пьянства и наркотизма, самоубийств и проституции, административных проступков и гражданско-правовых деликтов, а то и просто аморального поведения. Иначе говоря, имеются обстоятельства (факторы), наличие которых делает более или менее *вероятным* девиантное поведение, а уж какую оно примет форму – чаще всего зависит от случайности или индивидуальных особенностей субъекта. Вообще *случайность* в современной науке играет

³ См.: Административный вестник. 1926. №1. С. 30.

неизмеримо большую объяснительную роль, нежели причинность, жесткая детерминированность.⁴

Неудивительно, что большинство современных зарубежных криминологов, в отличие от отечественных, отказываются от бесконечного поиска «причин» преступности и их умножения, обосновывая тезис «корреляции против причинности» (*correlation versus causation*).⁵

Вместе с тем, оставить преступность без каких бы то ни было объяснений – значит отказаться от криминологии как науки. Разрешение кризисной ситуации – за новой, «сумасшедшей» теорией, которая вышла бы за пределы существующих парадигм криминологии как «нормальной науки» (и потому первоначально была бы категорически отвергнута...).⁶ Пока же таковая не появилась (это задача молодых, не отягощенных грузом накопленных знаний),⁷ поразмышляем над некоторыми факторами, влияющими на состояние, уровень, структуру, динамику преступности. Впрочем, как и на иные проявления девиантности.

При этом следует иметь в виду некоторую двусмысленность, «шизофреничность» объяснения преступности. С одной стороны, рассматривая преступность как социальную конструкцию, мы должны искать объяснение ее существования в деятельности властей, режима, законодателя по конструированию «преступности». С другой стороны, пока и поскольку за этой относительно искусственной конструкцией скрываются реальные виды человеческой жизнедеятельности (убить или ранить другого, завладеть имуществом другого, обмануть другого с выгодой для себя и т.д.), возможно выявление факторов, при которых эти виды деятельности будут проявляться с большей или меньшей вероятностью, в большем или меньшем объеме.

⁴ Бачинин В.А. Философия права и преступления. Харьков, 1999; Моисеев Н. Расставание с простотой. М., 1998; Синергетика и методы науки / ред. М.А. Басин. СПб., 1998.

⁵ Winfree L., Abadinsky H. Understanding Crime. Theory and Practice. Chicago, 1996. P.9-11.

⁶ Подробнее см.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

⁷ «Важные открытия в конкретных науках почти всегда делали посторонние люди или ученые с необычным складом мышления» (Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С.135).

Факторы, влияющие на преступность

Как всякое социальное явление преступность не может быть объяснена «из себя самой», а лишь с позиции социального целого – общества, чью субстанцию образует совокупность общественных отношений. Многие методологические трудности при изучении преступности, пьянства, наркотизма, самоубийств, коррупции, терроризма возникают вследствие попытки их исследовать и объяснить как самостоятельные, изолированные феномены. Между тем каждое из этих (и других) социальных явлений, будучи в конечном счете порождением общественной субстанции, социального целого, общества – вплетено в систему общественных отношений данного социума и «переплетено» с иными социальными феноменами, процессами. Это еще один – дополнительный довод в пользу невозможности выделить *специфическую* причину преступности и только преступности.

Конечно, можно извлечь из арсенала криминологии множество факторов, так или иначе воздействующих на состояние и динамику преступности. Это и экономические факторы (от цены на хлеб или на нефть до децильного коэффициента и индекса Джини), и социально-демографические (пол, возраст, социальный статус, этническая принадлежность и др.), и культурологические (принадлежность к той или иной культуре, субкультуре, религиозной конфессии), и даже космические (корреляционные зависимости между уровнем убийств, самоубийств, воровства и солнечной активностью, фазами луны⁸). В результате факторного анализа можно определить и относительный «вес» каждого фактора в «криминогенном комплексе» отдельных видов преступлений⁹.

Однако более глубоким мне представляется отыскание «ведущего звена» в «криминогенном (девиантогенном) комплексе», объясняющем преступность наряду с другими проявлениями девиантности.

⁸ Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М., 1995. С.350-405, 623.

⁹ Ольков С.Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006.

Преступность проявляется через определенные уголовным законом действия, поступки людей. Между тем, *все свои действия человек совершает, в конечном счете, ради удовлетворения тех или иных потребностей*: биологических, или витальных (в пище при чувстве голода, в питье при жажде, в укрытии от неблагоприятных погодных условиях, сексуальных или в продолжение рода); социальных (в статусе, престиже, самоутверждении, самореализации и др.); духовных или идеальных (поиск смысла жизни, цели существования, бескорыстное стремление к знанию, творчеству, служению другим людям).

Потребности людей *распределены относительно равномерно* (в современном развитом обществе люди нуждаются в качественных продуктах питания, чистом воздухе, просторном жилище с водоснабжением и отоплением, в интересной работе, в разнообразном отдыхе и т.д.) и имеют тенденцию к *возрастанию* (возвышению и расширению). А *возможности* удовлетворения потребностей – *различны, неравны*. И хотя определенная степень неравенства зависит от индивидуальных особенностей (ребенок или взрослый, мужчина или женщина, здоровый или инвалид, с высоким интеллектом или не очень), однако главным источником неодинаковых возможностей удовлетворять потребности служит *социально-экономическое неравенство*, занятие индивидом различных, неоднородных позиций в социальной структуре общества (рабочий или предприниматель, фермер или банкир, школьный учитель или член правительства). Именно от социального статуса и тесно связанного с ним экономического положения (можно говорить о едином социально-экономическом статусе) индивида в решающей степени зависят возможности удовлетворять (более или менее полно) те или иные потребности.

Социальную структуру общества изображают обычно в виде пирамиды, верхнюю, меньшую часть которой составляет «элита» общества (властная, экономическая, финансовая, военная, религиозная и т.п.). Средняя – самая значительная по объему часть – «средний класс». В основании пирамиды, в

ее нижней части располагаются низшие слои (малоквалифицированные и неквалифицированные рабочие, сельскохозяйственные наемные работники, так называемый «младший обслуживающий персонал»). За пределами официальной социальной структуры (а иногда в самом ее низу – все зависит от точки зрения исследователя) находятся аутсайдеры, изгои (бездомные, лица, страдающие алкоголизмом, наркоманией, опустившиеся проститутки и т.п.). Совершенно очевидно, что чем ближе к верхушке пирамиды располагаются позиция и занимающий ее индивид, тем больше возможностей по удовлетворению потребностей, чем дальше от вершины и ближе к основанию, тем меньше возможностей. При этом *распределение индивидов* по тем или иным *социальным позициям* («местам») обусловлено, прежде всего, независимыми от них (индивидов) факторами – социальным происхождением, принадлежностью к определенному классу, слою, группе, и лишь во вторую очередь – личными способностями, дарованием, талантом.

Со временем кастовая или средневековая жесткость социальной структуры ослабевает, социальная мобильность растет («каждый простой американец может стать президентом»), однако статистически зависимость от социальной принадлежности остается. В современном обществе одним из важнейших дифференцирующих признаков является наличие высшего образования. Как заметил однажды Т. Парсонс, человечество делится на две неравные части: окончивших колледж, и тех, кто его не заканчивал. Между тем, стартовые возможности выпускника российской сельской школы и элитной московской гимназии различны, также как стартовые возможности выходца из рабочей или профессорской семьи. Относительная жесткость социальной структуры, ограниченность социальной мобильности в условиях советского государства были эмпирически показаны и количественно оценены в одном из исследований 70-х гг. с нашим участием.¹⁰ А все партийно-советские идеологические славословия по поводу «гегемона»

¹⁰ См.: *Человек как объект социологического исследования* / ред. Л.И. Спиридонов, Я.И. Гишинский. Л., 1977. С. 170-191.

рабочего класса и чиновников – «слуг народа» меркнут перед анекдотами по поводу «гегемона» и предсмертной запиской рабочего Р., покончившего жизнь самоубийством, своему сыну: «Сашенька!.. Шагни дальше отца насколько можешь выше отца по социальной лестнице» (сохранен синтаксис подлинника – Я.Г.).

Социально-экономическое неравенство появилось как следствие общественного разделения труда, значение которого для развития общества трудно переоценить. При этом для наших целей следует отметить ряд обстоятельств.

Во-первых, одним из важнейших критериев развития системы (в нашем случае - общества), повышения уровня ее организованности служит дифференциация, усложнение структуры, повышение разнообразия составляющих ее элементов. Это особенно важно напомнить сегодня, когда советские завораживающие стереотипы казарменного равенства, всеобщего единомыслия и единодушия не только не преодолены до конца, но и вновь оживают... Закон необходимого разнообразия У. Эшби действует и в социальном мире. *Дифференциация общества как следствие углубляющегося разделения труда есть объективный и в целом прогрессивный процесс.* Однако, как все в этом мире, она влечет и негативные последствия. Неодинаковое положение социальных классов, слоев (страт) и групп в системе общественных отношений, в социальной структуре общества обуславливает и социально-экономическое неравенство, различия – и весьма существенные – в реальных возможностях удовлетворить свои потребности. Это не может не порождать зависть, неудовлетворенность, социальные конфликты, протестные реакции, принимающие форму различных девиаций. «Стратификация является главным, хотя отнюдь не единственным, средоточием структурного конфликта в социальных системах».¹¹

Во-вторых, главным в генезисе девиантности, включая преступность, является не сам по себе уровень удовлетворения витальных, социальных и

¹¹ Парсонс Т. Общий обзор. В: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С.375.

идеальных потребностей, а *степень* различий, «разрыва» в возможностях их удовлетворения для различных социальных групп. Зависть, неудовлетворенность, понимание самой возможности жить лучше приходят лишь *в сравнении*. На это в свое время обратил внимание К. Маркс: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно также малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съезживается до размеров жалкой хижины». Более того, «как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или же еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах еще более неуютно, все более неудовлетворенно, все более принижено».¹² Так что по-своему правы были наследники Маркса, возводя «железный занавес» вокруг нищего СССР и выпуская за его пределы только самых проверенных, надежных, «идейных» или зависимых.

О том же пишет крупнейший российско-американский социолог Питирим Сорокин: «Бедность или благоденствие одного человека измеряется не тем, чем он обладает в данный момент, а тем, что у него было ранее и в сравнении с остальными членами общества... Человек, увидев роскошные одежды и фешенебельные апартаменты, чувствует себя плохо одетым и бездомным, хотя с разумной точки зрения он одет вполне прилично и имеет приличные жилищные условия»¹³.

Социальная неудовлетворенность, а, следовательно, и попытки ее преодолеть, в том числе – незаконным путем, порождается не столько абсолютными возможностями удовлетворить потребности, сколько относительными – по сравнению с другими социальными слоями, группами, классами. Вот почему в периоды общенациональных потрясений (экономические кризисы, войны), когда большинство населения

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.6. С. 446.

¹³ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 273.

«уравнивалось» перед лицом общей опасности (когда происходила ломка «перед лицом смерти всех иерархических перегородок»¹⁴), наблюдалось снижение уровня преступности и самоубийств.¹⁵

На роль социально-экономического неравенства в генезисе девиантности, включая преступность, обращали внимание еще в XIX в. Так, по мнению Турати, «классовые неравенства в обществе служат источником преступлений.... Общество со своими неравенствами само является соучастником преступлений».¹⁶ Принс «главной причиной преступности считает современную систему распределения богатства с ее контрастом между крайней нищетой и огромными богатствами».¹⁷ С точки зрения Кетле, «неравенство богатств там, где оно чувствуется сильнее, приводит к большему числу преступлений. Не бедность сама по себе, а быстрый переход от достатка к бедности, к невозможности удовлетворить всех своих потребностей ведет к преступлению».¹⁸ Д. Белл пишет, что человек с пистолетом добывает «личной доблестью то, в чем ему отказал сложный порядок стратифицированного общества».¹⁹

Интересные результаты были получены в исследовании под руководством А.Б. Сахарова социальных условий в двух регионах России: «установлено, что более неблагоприятное состояние преступности имеет место в том из сравниваемых регионов, где материальный уровень жизни населения по комплексу наиболее значимых показателей (средняя заработная плата, душевой денежный и реальных доход и т.д.) лучше, но зато значительнее контрастность (коэффициент разрыва) в уровне материальной обеспеченности отдельных социальных групп. В то же время в регионе с меньшим уровнем преступности материальные условия жизни были хотя и несколько хуже, но более однородны и равномерны. Иными словами,

¹⁴ Гачев Г. Образ в русской художественной литературе. М., 1981. С.198.

¹⁵ Гернет М.Н. Избранные произведения. С. 306-310, 449-459; Podgórecki A. Patologia życia społecznego. Warszawa, 1969.

¹⁶ Гернет М.Н. Там же. С. 111.

¹⁷ Там же. С.119.

¹⁸ Там же. С.375.

¹⁹ Белл Д. Преступление как американский образ жизни. В: Социология преступности. М., 1966. С.267.

состояние преступности коррелировалось не с уровнем материальной обеспеченности, а с различиями в уровне обеспеченности: с размером, остротой этого различия».²⁰ Исследование преступности в динамике за ряд лет подтвердило зависимость уровня преступности от увеличения/уменьшения разрыва между потребностями населения и степенью их фактического удовлетворения.²¹

Современные исследователи все чаще обращаются к роли социально-экономического неравенства в генезисе преступности, учитывая при этом экономические показатели (в частности, индекс Джини)²².

«Включенные» и «исключенные»

Одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность/исключенность» (*inclusive/exclusive*). Понятие «исключение» (*exclusion*) появилось во французской социологии в середине 60-х гг. минувшего столетия как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса. Отмечался нарастающий разрыв между растущим благосостоянием одних и «никому не нужными» другими.²³ Рене Ленуар (1974) показал, что феномен «исключения» приобретает характер не индивидуальной неудачи, не приспособленности некоторых индивидов («исключенных»), а социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества, затрагивая все большее количество людей.²⁴ Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса

²⁰ Методологические вопросы изучения социальных условий преступности / ред. А.Б. Сахаров. М., 1979. С.29-30.

²¹ Коробейников Б.В., Селиванов Н.А., Скворцов К.Ф. Изучение факторов, влияющих на изменение уровня и структуры преступности // Советское государство и право. 1982. №1.

²² Grover Ch. Crime and Inequality. Willan Publishing, 2008; Hagan J., Peterson R. (Eds.) Crime and Inequality. Stanford University Press, 1995; White R., Habibi D. (Eds.) Crime and Society. Oxford University Press, 2005, pp.187-207.

²³ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.II. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999. С. 140-156.

²⁴ Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. Paris, 1974.

идентичности. Появление «новой бедности» обусловлено тем, что «Рост благосостояния не элиминирует униженное положение некоторых социальных статусов и возросшую зависимость семей с низким доходом от служб социальной помощи. Чувство потери места в обществе может в конечном счете породить такую же, если не большую, неудовлетворенность, что и традиционные формы бедности».²⁵

Процесс «inclusion/exclusion» приобретает глобальный характер. Крупнейший социолог современности Никлас Луман пишет в конце минувшего XX в.: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего (нынешнего - Я.Г.) столетия примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие – только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра;... что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения... В некоторых местах... мы уже можем наблюдать это состояние».²⁶

Самое страшное – фактическая невозможность «исключенных» «включиться» в экономическую, политическую, социальную, культурную жизнь. «За годы реформ уже сотни тысяч жителей бывшего СССР стали "отходами" трансформационного процесса, еще многие тысячи беженцев оказались в России без всяких перспектив найти работу, жилье и обрести достойный образ жизни. Для многих Россия стала "транзитным пунктом" на пути в никуда»²⁷. По мнению профессора Ф. Бородкина, «свыше 50% населения России – "исключенные"»²⁸, т.е. люди вынужденные существовать

²⁵ Погам С. Указ. соч. С.147.

²⁶ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. В: Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М., 1998. С. 94-108.

²⁷ Яницкий О.Н. Модерн и его отходы // Социологический журнал, 2004, №1/2, с.205.

²⁸ Бородкин Ф. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. №3/4, с.5-17.

на обочине жизни, не будучи включены в активные трудовые, социальные, политические, культурные процессы.

Аналогичные глобальные процессы применительно к государствам отмечал академик Н. Моисеев: «Происходит все углубляющаяся стратификация государств... Теперь отсталые страны "отстали навсегда"!... Уже очевидно, что "всего на всех не хватит" – экологический кризис уже наступил. Начнется борьба за ресурсы – сверхжестокая и сверхбескомпромиссная... Будет непрерывно возрастать и различие в условиях жизни стран и народов с различной общественной производительностью труда... Это различие и будет источником той формы раздела планетарного общества, которое уже принято называть выделением "золотого миллиарда". "Культуры на всех" тоже не хватит. И, так же как и экологически чистый продукт, культура тоже станет прерогативой стран, принадлежащих "золотому миллиарду"». ²⁹ Надо ли говорить, что Россия не входит в группу стран «золотого миллиарда»?... По классификации Уоллерстайна (Центр, Периферия, Полупериферия), Россия относилась к Полупериферии, «хотя есть уже немало признаков того, что она деградирует в направлении Периферии», ³⁰ все быстрее откатывается на Периферию.

Очевидны социальные следствия процесса «включения / исключения». Именно «исключенные» составляют социальную базу преступности и иных форм девиантности (алкоголизм, наркотизм, терроризм, проституция и др.). Так, «отчаяние молодых перед будущим, которое им кажется безысходным, лежит в основе делинквентного поведения, нарушений общественного порядка, столкновений с полицией». ³¹ Неудивительно, что мировая девиантология и криминология активно обсуждают «inclusive/exclusive», как один из источников девиантного поведения. ³²

²⁹ Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М., 1998. С.360, 447.

³⁰ Pro et Contra. Проблемы глобализации. 1999. Т.4, №4. С. 227

³¹ Погам С. Указ. соч. С.150.

³² *Finer C., Nellis M. (Eds.) Crime and Social Exclusion. Blackwell Publishers Ltd., 1998; Young J. The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. SAGE Publications, 1999; Глинский Я.И.*

Для иллюстрации посмотрим, как росла доля лиц без постоянного источника доходов (разновидность «исключенных») среди лиц, совершивших преступления, (табл. 1).³³ Рост за 21 год (1987-2008 гг.) в пять раз.

Табл. 1.

Состав выявленных лиц, совершивших преступления
в 1987 – 2008 гг. в России

Год	Общее колич-во	Без постоянного источника доходов (%)	Год	Общее колич-во	Без постоянного источника доходов (%)
1987	969 388	11,8	1998	1 481 503	55,6
1988	834 673	13,8	1999	1 716 679	55,6
1989	847577	16,5	2000	1 741 439	54,8
1990	897 299	17,8	2001	1 644 242	55,1
1991	956 258	20,2	2002	1 257 700	52,4
1992	1 148 962	27,0	2003	1 236 733	53,7
1993	1 262 737	35,0	2004	1 222 594	58,9
1994	1 441 568	42,1	2005	1 297 123	60,3
1995	1 595 501	47,2	2006	811 281	59,6
1996	1 618 394	50,0	2007	1 210 785	59,6
1997	1 372 161	54,2	2008	1 256 199	60,8

«Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004. №6, с.69-77.

³³ Источник: Ежегодники «Преступность и правонарушения. Статистический сборник». М. -

Итак, с моей точки зрения, важнейшим криминогенным (вообще девиантогенным) фактором служит противоречие («напряжение», strain) между потребностями людей и реальными возможностями (шансами) их удовлетворения, зависящими, прежде всего, от места индивида или группы в социальной структуре общества, т.е. степень социально-экономической дифференциации и неравенства.

Можно считать?

Заслуга «тюменской школы» во главе с проф. С.Г. Ольковым – переход от теории К. Маркса, Р. Мертона и др. к *количественным* оценкам значимости социально-экономического неравенства в генезисе преступности (и иных девиаций).

Степень неравенства, разрыва между элитой и аутсайдерами отчасти оценивается такими экономическими показателями как фондовый или децильный коэффициент дифференциации (соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных слоев населения) и коэффициент концентрации доходов – индекс Джини.

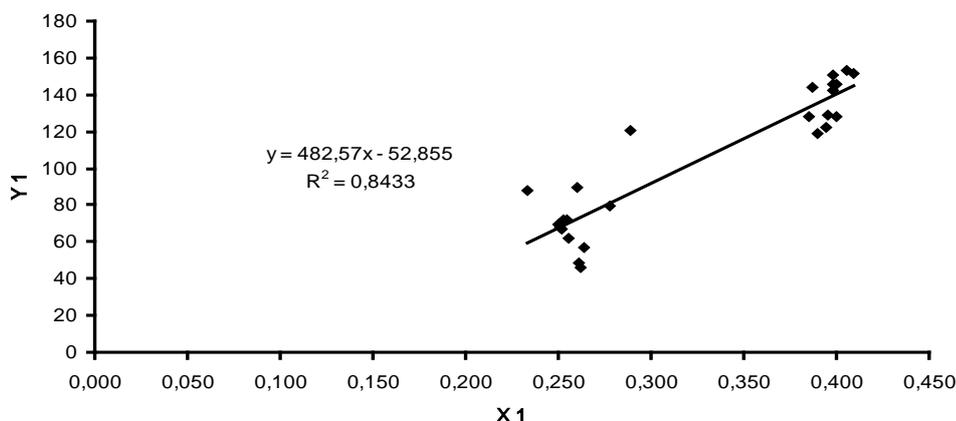
Этот разрыв, экономически отражаемый децильным коэффициентом и индексом Джини, все возрастает в России, сопровождаясь ростом убийств, самоубийств, алкоголизма и других девиаций. По данным Всемирного банка, основанным на официальной российской статистике, доля населения за национальной чертой бедности в России – 30,9%.³⁴ Индекс Джини, показывающий степень неравенства в распределении доходов населения, к началу текущего столетия был в России 0,456, тогда как в Австрии – 0,309, в Германии – 0,283, в Бельгии – 0,250, в Японии – 0,249. Близкие же российскому были показатели в Боливии (0,447), Иране (0,430), Камеруне (0,446), Уругвае (0,446)...

³⁴ Доклад о мировом развитии 2005. Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. М., 2005. С.261.

Не удивительно, что за десятилетие 1990-1999 гг., исследованное С. Ольковым, в год с максимальным индексом Джини (1994 г. - 0,409) в России было зарегистрировано наибольшее количество убийств – 32,3 тыс., а в год с минимальным индексом Джини (1990 г. - 0,218) – наименьшее их количество 15,6 тыс.³⁵ К аналогичным результатам по данным за 25 лет (1980-2004) приходит И.С. Скифский в своем диссертационном исследовании и монографии.³⁶ В качестве иллюстрации, приведем лишь два графика (1; 2) из его работы. Те же закономерности применительно ко всем регионам Российской Федерации установлены в трудах Э. Юзихановой.³⁷

График 1.

Связь между коэффициентом Джини и насильственной преступностью в России (1980-2004 гг.)

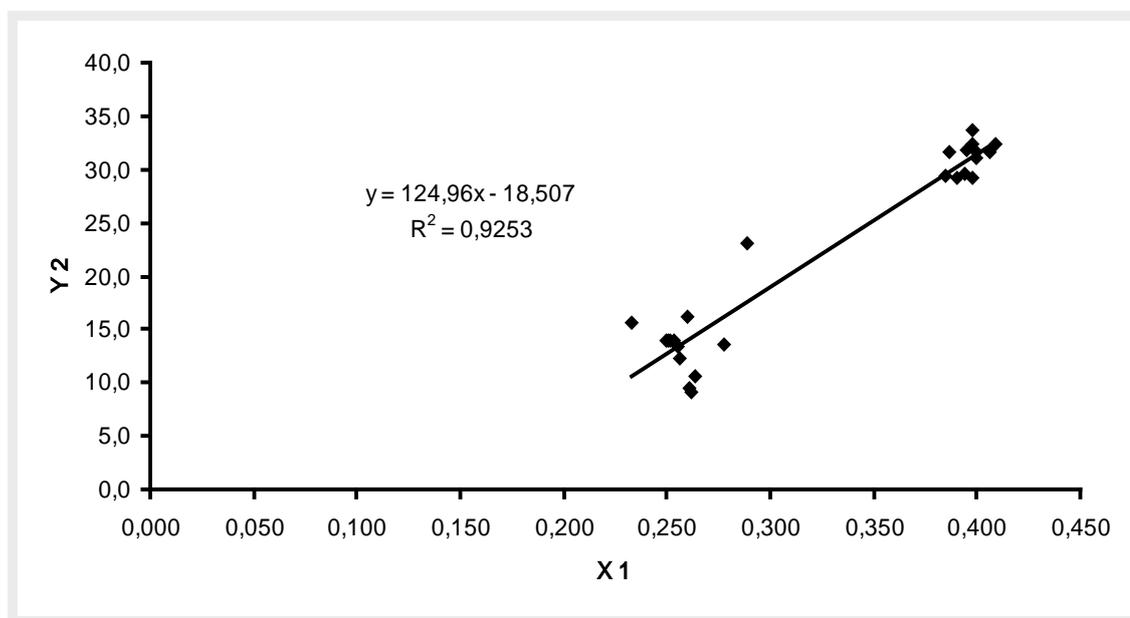
(по И. Скифскому)

³⁵ Ольков С.Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право, 2004, №8, с. 73-78.

³⁶ Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование Тюмень, 2007.

³⁷ Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень, 2005.

Связь между коэффициентом Джини и убийствами
в России (1980-2004 гг.)

(по И. Скифскому)

Все более тревожным и криминогенным (девиантогенным) представляется наблюдающееся с конца XX в. углубление степени социально-экономического неравенства обществ и социальных групп. Сформировался круг высокоразвитых государств, стран «золотого миллиарда» и увеличивается разрыв между этой группой стран и остальным миром. Растет пропасть между «включенными» (*inclusive*) и «исключенными» (*exclusive*) - как странами, так и социальными слоями, группами, отдельными людьми. Процесс глобализации лишь усиливает эту тенденцию.³⁸

Для полноты картины нельзя не сказать, что социальная дифференциация, социально-экономическое неравенство и наличие аутсайдеров, «исключенных» служат... источниками прогресса и

³⁸ Проблемы глобализации // Pro et Contra. 1999. Т.4. № 4. С.227-232, 254-265; Глобализация и девиантность / ред. Я. Гилинский. СПб., 2006.

двигателями истории. Действительно, существование социальных групп разной степени удовлетворенности наличным бытием, конкуренция, рынок труда (с неизбежно присущей ему безработицей – «исключенными»), вообще разнообразие социальных слоев, групп с различными интересами (добиться большего, удержать свои позиции, переменить условия жизни к лучшему) и обеспечивают изменения, развитие производства, экономики, культуры. Всеобщее «равенство» приводит к стагнации, прекращению изменений и, в конечном итоге, к гибели общества (всеобщее равенство достижимо лишь на кладбище).

Девиантность, порождаемая противоречием между потребностями массы людей и неравенством возможностей их удовлетворения, может проявляться как в негативных формах (преступность, наркотизм, пьянство и т.п.), так и в позитивных – социальное, научное, техническое, художественное творчество (вспомним «реформаторов» Р. Мертона). Ибо и те, и другие девиации служат средством («годным» или «негодным», с точки зрения общества) разрешения противоречия, изменения социальной структуры (вертикальная социальная мобильность). Другой вопрос – соотношение, пропорции негативных и позитивных девиаций. Преобладание позитивных (творчество) ведет к прогрессу общества, разгул негативных – к его деградации.

От общества к индивиду

А на уровне *индивидуального* поведения события разворачиваются следующим образом. Противоречие между наличными потребностями индивида и реальными возможностями их удовлетворения, нередко воспринимаемое как неизбежное («всяк сверчок знай свой шесток»), а то и неосознаваемое, может актуализироваться и усугубляться несоответствием объективных личностных свойств индивида (интеллектуальные, физические, волевые и эмоциональные характеристики, образование, профессия, квалификация и т.п.) требованиям занимаемой социальной позиции – «социальной неустроенностью».

Социальная неустроенность вероятна, когда (1) индивид занимает позицию «ниже» своих объективных возможностей (примеры из недавнего прошлого: талантливый человек - художник, поэт, ученый на должности сторожа, истопника), (2) «выше» своих возможностей (посредственность в министерском кресле) или же (3) находится «вне» официальной структуры общества («исключенные»). Во всех этих случаях наблюдается, очевидно, и «рассогласование статусов», предложенных Л.И. Спиридоновым в качестве причины покушения индивида на существующий порядок.³⁹ Возможно также, что личностные особенности и занимаемая социальная позиция совпадают (малообразованный, малоквалифицированный, с не очень высокими интеллектуальными задатками человек работает подсобным рабочим), но сама позиция является «устаревшей», отмирающей в условиях развитого общества.

Социальная неустроенность может не осознаваться индивидом или, будучи осознана, проявляться психологически как неудовлетворенность. Индивид, находящийся в состоянии социальной неустроенности, будет стараться преодолеть ее – либо активной позитивной деятельностью (повышение образовательного и профессионального уровня, приобретение второй профессией, овладение иностранными языками, изобретательство и т.п.), либо активной нежелательной для общества деятельностью, в частности преступной. Не сумев активно преодолеть неустроенность (мертоновская «двойная неудача»), индивид может либо смириться, либо найти утешение в алкоголе, наркотиках, либо решиться на самоубийство.

Социальная неустроенность (в случае занятия индивидом позиции выше его объективных данных), а также безграничность социальных и идеальных потребностей, их принципиальная «неутоляемость» объясняют, с нашей точки зрения, и «беловоротничковую», элитную преступность. В случае нахождения на позиции выше своих объективных возможностей чиновник высокого ранга, менеджер, иной руководитель будут предпринимать усилия,

³⁹ Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. Л., 1973. С. 167.

чтобы сохранить позицию, а то и подняться выше, используя доступные, в том числе нелегальные, способы (подкуп, подлог, устранение конкурентов и т.п.). Кроме того, и среди тех, у кого «все есть», существуют непонятные для «простых людей» конкуренция, зависть, соперничество, приводящие к «престижному», избыточному потреблению, так хорошо описанному Т. Вебленом.⁴⁰ Следует, однако, заметить, что неумное стремление к наживе и избыточное потребление присущи не лучшим представителям элиты. Неразумное сверхпотребительство «верхов», обеспечиваемое нелегальными, чаще всего в ущерб остальному населению, средствами, рано или поздно может обернуться против них: «Чем больше неимущие группы сомневаются в законности существующего распределения дефицитных ресурсов, тем вероятнее, что они должны будут разжечь конфликт».⁴¹ При этом «чем более жесткой является социальная структура, тем меньше в ней будет институционализированных средств, позволяющих гасить конфликты и напряженность, тем острее будет конфликт».⁴²

В отечественной криминологической литературе нередко потребности подразделяют на нормальные или естественные и ненормальные или извращенные. После чего утверждается, что в основе криминального поведения обычно лежат извращенные потребности. Представляется, что такое деление излишне аксиологично и недостаточно корректно. Сами *потребности* «нейтральны», они не могут оцениваться как «хорошие» (естественные) или «плохие» (извращенные). *Способы*, средства их удовлетворения могут признаваться желательными, допустимыми или недопустимыми, с точки зрения общества, государства. Очевидно любая, самая «естественная» потребность может быть удовлетворена с помощью как легальных, так и нелегальных средств. «Не существует потребностей хороших и плохих, низших и высших, разумных и неразумных. Все основные потребности органически присущи каждому человеку: их нельзя ни

⁴⁰ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

⁴¹ Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985. С.167.

⁴² Там же. С.169.

уничтожить, ни искусственно насадить. Разумными и неразумными, возвышенными и низменными могут быть только формы удовлетворения этих потребностей».⁴³

Особое криминогенное значение имеет неудовлетворенность *социальных* потребностей (нужда) – в статусе, престиже, самоутверждении. Витальные потребности, во-первых, ограничены, имеют естественный предел (сытому человеку не надо думать о еде), во-вторых, в современных развитых странах относительно легко удовлетворяются. Социальные же и идеальные потребности безграничны, для их удовлетворения требуется больше сил, возможностей, благоприятных условий. Между тем, именно неудовлетворенные социальные потребности, в частности, в самоутверждении нередко приводят к преступному насилию или же к ретретистским формам девиантного поведения. Несвершение, нереализованная потребность в самоутверждении приводит в конечном итоге к фрустрации,⁴⁴ кризису личности, девиантным проявлениям.

Нелишне заметить, что роль «социальных» потребностей велика и в детерминации поведения стадных животных. Так, среди них идет борьба за «статус», ранг, положение в «обществе» себе подобных. «Высокий ранг в группе обеспечивает преимущественный доступ к пище, местам отдыха и самкам»⁴⁵ (почти как у людей...). В ряде случаев ранг определяется с момента рождения. Когда вылупливаются цыплята домашней курицы, они сразу же «определяют» свой ранг. Цыпленок первого (высшего) ранга впредь может клевать всех братьев и сестер, его же – никто из них. Цыпленок второго ранга может клевать всех остальных, кроме цыпленка первого ранга, и т.д. (американские исследователи используют понятие «теория клевков» – кто кого вправе «клевать» в человеческом обществе). В других случаях ранг зависит от «социального происхождения»: «У резусов (порода обезьян – Я.Г.) сыновья высококоранговых матерей имеют шанс занять более высокий

⁴³ Симонов П.В. Мотивированный мозг. М., 1987. С. 216.

⁴⁴ Фрустрация – психическое состояние тревоги, дискомфорта, напряженности в случаях, когда человек не может ни достигнуть желаемого, ни отказаться от него.

⁴⁵ Симонов П.В. Мотивированный мозг. С. 33.

ранг».⁴⁶ Экспериментально было показано, что если в стаде обезьян самца первого ранга начать кормить *после* других членов семейства, пусть также обильно и вкусно, как он привык, он проявляет все признаки стресса, фрустрации, невроза вплоть до инфаркта миокарда.⁴⁷

Не меньшее значение имеет потребность в «знаниях», «информации», «самоутверждении» животных, проявляющаяся как в борьбе за статус (ранг), так и в повышенной поисковой активности некоторых особей («исследователей», «первопроходцев»).

Изложенные соображения позволяют прийти к выводу о профилактических возможностях «канализирования» социальной активности в социально приемлемых формах (идея «баланса социальной активности» и возможности «канализирования» активности были нами высказаны еще в 70-80-х гг.⁴⁸). Так, «в зависимости от способов и средств удовлетворения присущая подростку потребность занять определенное место в группе сверстников, утвердить себя среди других, а, следовательно, и в своих собственных глазах может трансформироваться в общественно полезную деятельность – учебу, изобретательство, спорт и т.п. или в хулиганские действия, кажущиеся "немотивированными"».⁴⁹

Мне представляется, что изложенные теоретические рассуждения, подкрепленные результатами эмпирических исследований и их математической обработкой, таят большой креативный потенциал и имеют вполне прикладные выходы.

⁴⁶ Там же. С.33.

⁴⁷ Огромный теоретический и эмпирический материал содержится в вышеназванной книге П.В. Симонова.

⁴⁸ *Гилинский Я.И.* Социальное планирование города и проблемы отклоняющегося поведения. В: Актуальные проблемы социального планирования. Иркутск, 1975. С. 244-252; *Человек* как объект социологического исследования. Л., 1977. С.103; *Гилинский Я., Раска Э.* О системном подходе к отклоняющемуся поведению // Известия Академии наук Эстонской ССР. Общественные науки. Т.30. №1. Таллинн, 1981. С. 134-143.

⁴⁹ *Симонов П.В., Ершов П.М.* Темперамент. Характер. Личность. М., 1984. С.66.